

Книга из объекта культуры стала объектом потребления

Культура. — 2002. — 15-21 авг. — с. 5

Андрей БОНДАРЕНКО — наверное, самый востребованный сегодня российский книжный художник. Оформил около 600 книг, в том числе и все вышедшие десять книг Владимира Сорокина. По образованию сценарист — окончил Школу-студию МХАТа, работал ассистентом у Валерия Левентала. Но учителем своим считает замечательного художника-монументалиста Владимира Гейдора.

А.Бондаренко

— Вы начинали с детских книжек. А нынче уже оформляете “ниспровергателей” нравственности Владимира Сорокина и Виктора Ерофеева. Не слишком ли крутой вираж?

— Нет. Для меня это логично. Когда я пришел в “Советский писатель” к главному художнику Владимиру Медведеву в надежде получить какой-нибудь заказ, он мне сказал: “Вы человек не нашего круга”. Я уже был на пороге издательства, но меня остановил Дима Мухин — художественный редактор — милейший и очень известный тогда в московских книжных кругах человек. Он дал мне для оформления сборник Константина Кедрова “Поэтический космос”. Затем мне повезло, и я получил заказ в “Детской литературе”.

Вокруг этого издательства в советские годы группировалась элита отечественной книжной иллюстрации — Борис Диодоров, Май Митурич, Геннадий Калиновский, Николай Попов... Советская детская книга получала международные награды на Биеннале детской книги в Брно (Чехословакия). Тогда было невероятно престижно, да и выгодно сотрудничать с “Детской литературой”. Существовал госзаказ, детская книга выходила миллионными тиражами. Я сделал иллюстрации к книжке Спайка Миллигана “Чашка по-английски” в пересказе Гриши Кружкова. Если разложить все ее листы, то получится одна картинка в викторианском стиле длиной в тридцать с лишним метров.

— И получили в 1991 году диплом Всесоюзного конкур-

са “Искусство книги”. Советский Союз рухнул, книжный госзаказ исчез, а с ним вместе ушла на дно, как Атлантида, и знаменитая советская школа иллюстрации. Что пришло взамен? В России стали издавать книжки без картинок, как это практикуется на Западе?

— Я так не считаю. На Западе существует четкая конструкция книгоиздания. Я каждый год ежу во Франкфурт на книжную ярмарку, внимательно слежу за их книжным процессом. Дешевая массовая книга действительно выпускается при минимуме оформительских затрат, а эксклюзивные издания — они очень дорогие, потому что там может быть и авторская иллюстрация, и неординарное оформление.

В Советском Союзе была тенденция на дорогую, богато оформленную и иллюстрированную книгу. В новых экономических условиях такая книга стала нерентабельной. Новые издатели поставили задачу демократизации книги. Все бросились на ее решение. И, как водится у нас в России, довели ситуацию до крайности. Книга из объекта культуры стала лишь объектом потребления. Книжная графика перестала существовать, за нее не платят и ее не заказывают. Современные издатели исключили ее из издательского процесса, чтобы его удешевить. В результате веду-

ся меня самого, я всегда был авангардистом, но при этом очень люблю традиционное искусство.

— И поэтому остались в книге, когда все ринулись на большие заработки в дизайн и рекламу?

— Я тоже отдал дань и рекламе, и дизайну. Но, когда в середине 1990-х стали появляться издательства, выпускающие хорошую, качественную литературу, — Ad Marginem, Simposium, “Зебра”, “Амфора”, — я вновь обратился к книге. Я сделал новое оформление для журнала “Иностранная литература” и разработал несколько серий в самом издательстве “Иностранка”. Ее “Иллюминатор”, где печатаются новинки зарубежной прозы, и совсем новая серия “Русская литература”, представившая читателю Сергея Гандлевского и Григория Петрова, пользовались повышенным спросом на недавнем юбилее московского “БиблиоГлобула”. А газета “Книжное обозрение” вручила мне в 2000 году свой главный приз — “Человек года”.

— Работы у вас много, человек вы ныне известный — чего еще желать-то?

— Наш книжный рынок бедный. Идет тотальная монополизация. Хорошие, небольшие издательства погибают. Для всакого развития, в том числе и книжно-издательского, нужны некоммерческие проекты. На Западе крупные издательства в них вкладываются. Хотелось бы и в России поучаствовать в таких проектах.

щие российские художники книги стали работать на Западе. И на освободившееся место, увы, пришли люди без необходимых знаний и навыков. Ведь книга требует хорошей академической подготовки и высокого общего уровня культуры.

— А вы сами читаете книги, которые оформляете? Вас не “напрягает”, к примеру, проза Сорокина?

— Все, что я берусь оформлять, читаю обязательно. Для души люблю прозу Достоевского, Лермонтова, Толстого. А Сорокин — это каждый раз вызов для меня. Вызов, связанный с пониманием.

— Вы считаете, что наш российский читатель еще не дорос до его прозы?

— Время покажет. Что каса-

Беседу вела
Надежда НАЗАРЕВСКАЯ

